

Габриэль Марсель: контекст. Форма философствования как метод и методология оценки формы

© Ф.И. Гусейнов

Российский экономический университет им. Г.В. Плеханова, Москва, 117997, Россия

МГТУ им. Н.Э. Баумана, Москва, 105005, Россия

Исследована форма как метод и рассмотрена ее методологическая оценка в трудах французского философа Габриэля Марселя и неклассической философии в целом. Актуальность темы определяется как радикальными потрясениями в существовании человечества, которые постигли его в XX–XXI вв., так и логикой развития самой философской мысли. Проблема человека и методология ее решения выходят на первый план в кризисные эпохи развития общества, в XX в. такими глобальными социальными потрясениями стали две мировые войны, а в XXI в. — текущие события, которые уже некоторые называют Третьей мировой войной. Рассмотрены три «сократических поворота» в философии, проанализирован процесс утраты философией человека и обретения его вновь. Автор предлагает определять методологический подход Габриэля Марселя в широком контексте как метод нон-финито и обосновывает принцип интерсубъективности как характеристику метода французского мыслителя. Не менее важным для понимания методологии Марселя оказывается принцип вовлеченности как условие философствования. Рассмотрена фигура философа в ретроспективе и перспективе с применением аристотелевой категории энтелехии в качестве методологического инструментария и выявлены как истоки философии Г. Марселя, так и введенные им новации. Показано, что Марсель стал переходной фигурой от неклассической философии к постмодернизму, сохраняя, однако, те черты, которые делают ее особенно актуальной сегодня, в условиях постпостмодерна.

Ключевые слова: Габриэль Марсель, сократический поворот, философия Модерна, неклассическая философия, экзистенциализм, нон-финито, энтелехия

«Сократический поворот». Вся парадигма классической философии основана на убеждении в том, что рациональное знание открывает реальность как она есть, ибо «знание — сила». Неклассическая философия, возникновение которой относят ко второй половине XIX — началу XX в., подвергла радикальному сомнению сам тип такого знания, а именно — рациональный, разумный, логосный. Он утратил человека, к познанию которого философия была призвана обращаться со времен «сократического поворота».

Собственно, «сократических поворотов» было в истории мысли два: философия самого Сократа и эпохи Возрождения. Однако, как заметил А.Ф. Лосев, возрожденческий титанизм имел обратную сторону: если всякий мнит себя титаном, дело кончается горой трупов [1].

Ренессанс известен своими поразительными типами лицемерия, коварства, убийств из-за угла и отличается небывалой их концентрацией и изощренностью. Наряду с вознесением человека на Олимп и помещением его в центр мироздания он был одновременно растаптываем и низводим ниже всякого мыслимого предела [2, с. 25]. Понадобился еще один, третий «сократический поворот», который совершает неклассическая философия: пересматривается понятие Разума, провозглашается переход к антропологической проблематике, при которой человек понимается как чувствующее и переживающее существо, интерес перемещается от сферы общего к частному, конкретному, уникальному, а само это уникальное выявляется посредством не монолога, а диалога — развивается диалектика Я и Ты, истоки которой можно найти у Сократа и, например, у Фейербаха и раннего Маркса [3, с. 59]. Эта линия также развивалась в трудах Габриэля Марселя и иных зарубежных и отечественных философов, психологов (Л.С. Выготского, С.Л. Рубинштейна), филолога М.М. Бахтина [4] и др. Тематика конкретного, уникального, диалогичного — человеческой экзистенции — оказалась тем духом времени, контекстом эпохи, в которой работали эти мыслители и ученые.

При этом онтология все чаще снимается с повестки дня. Однако Марсель убежден: онтология не может быть выстроена без эпистемологии, а последняя — без разрешения тайны человека.

Методология нон-финито. К концу XIX в. к интеллектуалам приходит понимание того, что открытие подлинного бытия требует иных форм философствования, притом форма — не нечто вторичное по отношению к содержанию, а находится с ним в единстве, имея сущностный характер. Поиск таких новых форм приводит к актуализации принципа нон-финито не только в художественной культуре, но и в философии. Принцип нон-финито — открытости, незавершенности, незаконченности формы, как открыта, не завершена и не закончена сама жизнь, — является, например, основой дальневосточного пейзажа, а Восток открывается европейцам именно в XX столетии как край особого знания истины, мудрости. В скульптуре прием использовался Микеланджело, а в XX в. широко распространяется в художественной деятельности Европы [5]. Предполагается, что целостный образ возникает в сотворчестве автора и аудитории, причем этот образ имеет не статичный, а динамичный характер, когда в неподвижных по определению формах (камень, слово, краска) передается процесс.

В творчестве Габриэля Марселя, в его стремлении утвердить два основных начала философствования — конкретность, индивидуальность и чувственность, телесность, причем как процесс, а не смену неподвижных картинок, как в кинематографической ленте (этот

образ Бергсона часто используется Марселем) — формальный принцип нон-финито воплощается в характерном отказе от традиционных жанров философских текстов и использовании жанра дневниковых записей, эссе, свободных бесед, драматургических произведений и т. д. Потом У. Эко [6] уже будет сомневаться в том, что можно сохранить живую истину даже посредством рассказа, неупорядоченного слова, в отличие от слова книжного и рационального, поскольку рассказ так или иначе оформлен. Но это будет позже и в полном постмодернистском регистре. Марсель благоразумно довольствуется свободой выбора жанра, часто естественным, почти разговорным языком, ведет диалог с воображаемым собеседником, с Ты, выражает неуверенность и т. д. И в своей свободолюбии Марсель не доходит до утверждений, что хаос плодотворнее порядка, бодрствование разума рождает чудовищ и что язык — это фашист (Р. Барт), как это будет затем практически общим местом в постмодернистском дискурсе.

Интерсубъективность как характеристика метода Г. Марселя. Распространение принципа нон-финито на философию особенно неслучайно для Габриэля Марселя, поскольку он был убежден в том, что философия ближе к искусству, чем к науке. В науке и технике истинным бывает лишь один ответ, т. е. работает закон исключенного третьего [7, с. 243]. Согласие большинства специалистов в рамках конкретной парадигмы и повторяемость результатов экспериментов являются критериями научности, а личность ученого-естествоиспытателя с его особенными чертами и уникальностью в рамках «нормальной науки» (по Куну) значения не имеет. В философии, напротив, личность автора играет определяющую роль. Однако субъективность философа, как и субъективность художника, тяготеет к переходу в интерсубъективность, которая не есть произвол, но которая существенно отличается от объективности науки. Интерсубъективность у Марселя — это открытость, «прилив бытия», радость совместного существования в объединяющей людей высшей общности. Это понятие и реальность существования людей вместе, а не в одиночку, с ответственностью за все происходящее [8, с. 165]. Символом и триггером интерсубъективности может оказаться даже улыбка или жест. «Здесь мы — вне и над всякой психологией, поскольку это слово, этот жест являются, по существу, носителями чего-то иного, что, конечно, невозможно заключить в понятие, формулу. Здесь важно, что тот, кто адресовал нам это слово или эту улыбку, сам того не желая или даже не осознавая, выступает для нас как свидетель некой трансцендентной реальности. Однако при этом мы сами, может статься, различим это лишь самым смутным образом, и трансцендентная реальность не только не будет названа, но и останется, скорее всего, ощущаемым нами фоном» [9, с. 142]. Понятие интерсубъективности очень близко понятию соборности в русской

философии. И, конечно, для категории intersubjectivity оказывается релевантна именно форма non-finito. Можно констатировать, что для Марселя в философии бывает множество ответов, отрицающих друг друга, но при этом не являющихся ложными. Иными словами, законы формальной логики и исключенного третьего тут не срабатывают. Принцип открытости здесь виден наглядно. Однако истина тем не менее не имеет для Марселя релятивного характера, и к вопросу о ней придется вернуться еще раз в рамках настоящего текста.

Наука и жизнь. Кроме вышеуказанного, искусство и философию сближает феномен личной вовлеченности, призвания. Можно писать о чем-то — о философии, литературе, живописи, и это будут по большому счету комментарии, «-ведение» (философоведение, искусствоведение), а можно делать (в том числе писать) что-то — это будет философия, или художественный продукт.

Марсель, как и все неклассические философы, ищет свои способы «привить древо жизни к древу познания», и это радикальная проблема, стоящая перед культурой. Истории этой проблемы и современной ее постановке посвящена статья Г.С. Кнабе «Строгость науки и безбрежность жизни» [10]. Выводы, сделанные в этой работе, имеют универсальное значение.

Знание и живая жизнь на протяжении истории расходились все дальше друг от друга, в результате чего наука представляет собой логически организованную систему объективно установленных фактов с ориентацией на верифицируемую истину и доказуемые выводы, однако предметом исследования не стала — а должна стать — сама жизнь с ее случайностями, уникальными событиями и конкретным опытом, переживаемым человеком во плоти, а не абсолютным духом в безвоздушном пространстве логоса. И в истории, о которой пишет культуролог [10], и в философии происходили аналогичные процессы. Именно поэтому Габриэль Марсель вводит конкретность и чувственность как основы для своей философии. И если история существовала без человеческого измерения, то и философия была без человека. Но «мир повседневности имеет intersubjectivity структуру» [10], вот почему одной из ведущих категорий Марселя становится intersubjectivity. Элиминируя из рассмотрения саму жизнь с ее повседневностью, философия одновременно, по убеждению Марселя, не способна говорить о бытии.

Жизнь в ее переживании, отмечает Кнабе, всегда ориентирована индивидуально, а рациональное познание стирает индивидуальное. Содержанием сегодняшней научной революции Кнабе считает обострившийся конфликт между рациональной формой познания и жизнью как непосредственно переживаемым благом и ценностью.

Следует добавить, что на полном основании можно вести речь об этой проблеме как корневой не только для науки, но и в целом для парадигмы культуры, включая сюда и философию. Одним из выдающихся философов первой половины XX в., откликнувшихся на этот зов современности, оказался Марсель.

Индивид в постмодернизме. Методологические аксиомы постмодерна и Марсель как переходная фигура эпохи. На описанной выше основе складывается постмодернизм — «мировоззрение, для которого первоначально истории и культуры, их исходной клеточкой и реальной единицей стал человеческий индивид во всем своеобразии и неповторимости его эмоционально своеобразного “я”. Соответственно, в постмодернизме любая общность, не оправданная таким индивидом для себя внутренне, любая коллективная норма и общее правило выступают по отношению к нему как насилие, репрессия, от которых он стремится (или должен стремиться) освободиться. На философском уровне такой внешней репрессивной силой признаются: логика, логически функционирующий разум, основанное на них понятие истины, идущая из Древней Греции и лежащая в основе европейской науки установка на обнаружение за пестрым многообразием непосредственно нам данных вещей их внутренней сущности» [10].

В философских взглядах Г. Марселя нет ни акцента на плодотворности хаоса, ни отрицания любой общности, кроме тоталитарной, «животного коллективизма». Делая конкретное и индивидуальное своей основой, Марсель видит высшую общность людей в единении при восхождении к трансцендентному. Он не выстраивает философской системы — системосозидательство теперь воспринимается как мертвая и мертвящая деятельность. Марсель убежден в том, «что трансцендентное не может быть ни в коей мере уподоблено точке зрения, в которую мы могли бы мысленно поместить себя самих... Метафизически мне кажется самым важным тот ход мысли, который позволяет мне признать, что я не могу, не впадая в противоречие, мыслить абсолютное как некий находящийся в центре наблюдательный пункт, откуда вселенную можно созерцать во всей ее целостности, вместо того чтобы познавать ее отдельными частями, как это делает каждый из нас. Дело в том, что я не могу представить себе существование подобной наблюдательной точки, в какой-то мере не помещая себя туда идеально» [2, с. 3, 4].

Тема онтологии напрямую связывается с темой «Я». И здесь намечается идея о том, что естественная позиция для человека — позиция вовлеченности, что перекликается с идеями канадского медиа-теоретика Маршалла Маклюэна о вовлеченности человека в устной (аудиотактильной) эпохе и в эпохе электрической при том, что сама

парадигма Нового времени («книгопечатной культуры», по Маклюэну) основана на транспозиции человека-наблюдателя и трансцендентного Бога, т. е. переносе статуса Бога на статус человека [11, 12]. Эта нелегитимная интервенция принесла с собой всю парадигму Модерна.

Нарратив Марселя часто идет как бы по кругу, и этот метод сходен с методом Н.А. Бердяева. Философ избегает определений или дает их как разные нарративы [13]. Многие понятия у Марселя скорее образы, чем понятия: «Присутствие» («предупредительный сигнал Бытия человеческой душе» [2, с. 8]), «дух истины», «открытость», «Другой», «вовлеченность», «опыт» — при этом, избегая дефиниций в рамках «только разума», он постоянно ссылается на опыт. Марсель обращается к таким слоям жизни, которые в принципе не могут быть описаны рационально, но раскрываются в метафоре и образе — они неинтеллектуальны по определению. Так, философ отмечает: «Некоторые из самых высших видов человеческого опыта приводят к пониманию или, по крайней мере, полагают то, что выходит за пределы всякой возможной верификации. Я укажу при этом на такие сферы опыта, как любовь и обожание, объект которых по определению невозможно расчленить, он не может быть постигнут теми постепенно приближающимися к цели ходами, которые образуют любой процесс верификации» [2, с. 5]. Или другой пример: Марсель писал, что его сосед слышит в музыкальном произведении лишь хаос звуков, в то время как сам Марсель улавливает гармонию — это зависит от личного опыта, но невозможно определить условия, почему одно и то же в душе Марселя находит отклик, а в другой — нет.

Методологию Марселя отличает также особое внимание к теме истины, и в этом он еще не постмодернист, для которого истина, по существу, заменяется равноценными и равновеликими мнениями. Для постмодерниста «субъективное самовыражение важнее объективной истины, которой, впрочем, и не существует, ибо все, что вне индивида и его свободы, навязано, т. е. существует насильственно, искусственно, а потому ложно» [14]. При этом истина логоса не является истиной жизни, убежден Марсель. Он разделяет истину философии и истины частных наук. Истина понимается не как истина высказывания, при котором совпадают высказывание и его предмет, и не как конвенция. Истину нельзя иметь, в ней можно бытийствовать, утверждает философ. Иными словами, он поддерживает такую традицию: «...только интенция истины и вера в возможность ее доказать придают познавательной деятельности нравственный смысл, тогда как безразличие к ней воспринималось на всем протяжении истории культуры как угроза нравственному бытию общества» [10].

Характерно, что Марсель пытается выработать свой ответ на иконный философский вопрос: что такое существование, что такое «я

существую». Так, он указывает, что его «тело есть такая точка отсчета, по отношению к которой полагают себя все формы существующего, именно здесь располагается демаркационная линия, отделяющая существование от несуществования» [2, с. 14]. Тема существования сегодня выглядит еще актуальнее, чем в первые три четверти XX столетия, когда работал французский философ, но такая актуальность восходит именно к парадигме Нового времени, эпохи Модерна. Парадигма Нового времени создала столько фикций, что в конце XX в. уже оказывалось неизвестно, например, была ли война в Персидском заливе или это только нужным образом смонтированные телекартинки, как писал Ж. Бодрийяр [15]. Произошла глобальная подмена реальности рассказами-версиями о ней, вследствие чего был востребован новый регистр рассмотрения вопроса о существовании, о том, что такое «существовать».

Об истоках философии Марселя. Принципиально важным вопросом формы философствования Марселя становится интерпретация истоков философских воззрений, и этот метод, по общему правилу, следует применить к определению места философии самого Габриэля Марселя. Он категорически возражает против сведения философских систем к их «истокам» в виде предшествующих философских взглядов. Такой тип каузальности видится ему поиском виновного и стремлением переложить ответственность всякий раз на кого-то другого — на «исток» (данную мысль высказывал Ницше [16, с. 9]), кроме того, при этом подходе любые философские воззрения лишаются оригинальности. В истории философии «трудно с определенностью разграничить явления, где мы наблюдаем заимствования и влияния, а где — согласие и спонтанные совпадения. Это не только фактическая трудность, но и чуть ли не правовая невозможность. Чем более оригинальна и подлинна мысль, тем труднее установить ее историческую приемственность, сориентироваться относительно роли исторического влияния, без которого она не могла бы образоваться» [2, с. 12].

Философию преподают обычно, пишет Марсель, как историю философии, а история философии, если подходить к ней с характерной для Модерна установкой на прогресс, представляется некой лестницей, каждая последующая ступень которой отменяет/уничтожает смысл и значение предыдущих ступеней, так что в итоге все сгорает, как в крематории, и по завершении изучения очередной философской фигуры, «победившей» своих предшественников, хочется спросить: «И что же дальше?» [2, с. 50]. Потому что при применении такого подхода «потерпит поражение» любой философ. Поэтому, если следовать логике Марселя, воссоздать контекст его собственных взглядов представляется не самой простой задачей.

Авторы, изучающие философию Марселя, вопреки рекомендуемому им методу, задаются вопросом, назвать ли этого философа

платоником, августинианцем, ницшеанцем или, как определял себя сам Марсель, неосократиком. Так, польский исследователь Е. Коссак убежден, что его с полным основанием можно назвать августинианцем, тяготение к августинианству отмечает Г.М. Тавризян [17]. Марсель, утверждает Коссак, «не является неосократиком, ибо толкует Сократа в полном согласии с духом августиновского восприятия сократизма и платонизма. Концепции Марселя представляют собою, в сущности, новый вариант философии Августина» [18]. Согласиться с этим невозможно хотя бы потому, что в платоновско-августиновской традиции тело трактуется как раб, а душа — как господин, это не могло быть близко французскому мыслителю, создающему концепт «мое тело», означающий коренное условие бытия человека и закладывающий целое направление антропологии тела. «Я» и тело, по Марселю, неразрывны и неслиянны: «Быть воплощенным — это значит проявиться как тело, как именно это тело, без возможности отождествления с ним и отделения от него, поскольку отождествление и разделение суть операции коррелятивные, соотносительные по отношению друг к другу, но могущие проявляться только в сфере объектов. Из этих размышлений ясно, что не существует понятного для нас убежища, где бы я мог утвердиться вне моего тела; эта бесплотность неосуществима, она исключается самой моей структурой» [2, с. 17].

Близость Марселя к позиции Аврелия Августина очевидна в том, что Августин диалогичен, он является основоположником средневекового жанра «одиноких бесед с самим собой». У обоих философов самопознание не есть восприятие, поскольку восприятие предполагает взгляд извне, взгляд внешнего наблюдателя, — но есть интроспекция, прямое созерцание. Э. Жильсон, в свою очередь, отмечал христианский сократизм Августина. В этом отношении Марселя и Августина объединяет идея «внутреннего человека», в интроспекции открывающего Бога в состоянии Озарения (Света) [19]. При этом и Августин, и Марсель тоскуют по утраченному единству целостного человека с Богом и зовут к восхождению к трансцендентному, но, восстанавливая в правах конкретное и телесное, Марсель не может быть августинианцем, у Августина остается слишком много противопоставления души как высокого начала и тела как начала низкого, ввергающего в грех, т. е. дуализма гностическо-манихейского характера. Аутентичное христианство не относится к телу как к темному и греховному началу, и в особенности это благоговейное отношение к телу сохранилось в восточном христианстве, к которому Марсель, будучи католиком, оказывается тем не менее близок. Так, митрополит Антоний Сурожский говорил, что само Боговоплощение показывает, что человеческое тело настолько духоносно, что способно вместить Бога. Он утверждал: «...наше тело является

частью неоскверненного мира, вернее, чистого мира, который осквернен человеком... И целомудрие именно заключается в том, чтобы относиться к своему телу и к своей душевности как к святыне, которая пронизана Божественным присутствием» [20]. По его мнению, «...не тело является причиной и источником зла в нас. Один из подвижников совершенно ясно говорит, что тело является страдальцем, мучеником, оно является жертвой той неправды, которая в нас живет и душевно, и духовно. И когда мы говорим о телесных, плотских грехах, то имеем в виду, что греховность наша, живущая в душевности и в духовности, порабощает наше тело, оскверняет его. ...слишком часто мы думаем о нашем теле как об источнике искушения или зла: а этот источник — в нашей неочищенной, непросвещенной душевности, еще не до конца разгоревшейся духовности» [21].

Можно ли назвать взгляды Марселя неосократическими? Представляется, что это было бы справедливо только частично и только в нескольких отношениях: в отношении первенствующего значения нравственной проблематики, что характерно и для Сократа, и для Марселя; в утверждении диалога как способа формирования человека, возрастания его, поиска истины; в отказе от форм изложения в виде максим и философской системы; в убеждении в том, что знание делает добродетельным. Однако, как показал Ф. Ницше, с появлением трудов Сократа в философии разверзается непреодолимая пропасть между жизнью, чувственной телесностью — и разумом, рацио, с тех пор на протяжении веков вместо живой плоти за человека в философии выдавались логические схемы и категории, чего не мог не понимать Марсель.

В своих трудах Марсель неоднократно упоминает Ф. Ницше, причем как солидаризуясь с ним в каких-то вопросах, так и отталкиваясь от его взглядов. Но Марсель, что очевидно, не может испытывать, как Ницше, ненависть к Сократу за то, что последний разорвал жизнь и разум, разумея под жизнью оргиастичность и экстаз, которых Марсель, не будучи орфиком, а будучи христианином, разделять с немецким мыслителем не мог. Однако Марсель пытается ввести жизнь в философию, жизнь в собственном понимании, указывая на ограниченность разума. Общими с Ницше чертами можно было бы назвать стремление прорваться к подлинному бытию, к человеку, бунт против парадигмы Модерна, что было коренным качеством всей неклассической философии. Представители этой философии развивают неклассическую методологию, но каждый крупный мыслитель делает это уникальным способом. Общее между ними — осмысление тупиков новейшей европейской философской парадигмы и поиск иных методологических решений философских вопросов [22, 23].

Был ли Марсель бергсонианцем? Ведь А. Бергсон — любимый учитель Марселя. На это отвечал сам Марсель: он разделяет бергсоновский метод, но отвергает бергсонианство как философскую систему [2, с. 10].

Есть основания полагать, что наиболее адекватным методом в выяснении места философа вообще в истории культуры и конкретно Марселя с его бунтом против «лестницы философов» является использование возрожденного и введенного заново в философский языковой обиход Г.С. Кнабе в 1990-е годы аристотелева понятия «энтелехия» как внутренней формы культуры.

В культуре существуют явления, сходные по подражанию или по внешнему влиянию. Однако есть такое сходство, которое не вызвано ни подражанием, ни внешним влиянием, но которое позволяет увидеть одновременно сходное и различное, национальное и мировое, при этом в самых разных областях, которые «непереводимы» друг в друга, как непереводимы ноты в краски, а музыкальные произведения — в холсты, однако оказывается возможным увидеть единство стиля или целой эпохи в таких разных явлениях и указать, что это — импрессионизм, а тот выявленный в естественнонаучных дисциплинах принцип также обнаруживается в гуманитарной сфере. Такую возможность предоставляет понятие энтелехии, внутренней формы культуры, обладающей завершенностью и целью в себе, всякий раз способной к конкретному индивидуальному воплощению. Об энтелехии можно говорить тогда, когда обсуждаемый феномен оказывается органичен очередному «материалу» воплощения [24, с. 709].

Кнабе отмечает три свойства энтелехии: отсутствие у феномена точно выявленного источника (у подражания и влияния источник всегда известен); способность характеризовать скорее мироощущение длительных культурных эпох, чем группы; способность стать органической частью национальной культуры [25].

Таким образом, исследователь избегает сведения духовного феномена к «истокам», лишая его уникальности, однако этот феномен также не оказывается без собственной истории. Часто такая внутренняя форма культуры на разном «материале» обозначается образами, метафорами. Становится очевидным, как мировое воплощается в национальном и как из метаморфоз национального складывается мировое, каким образом традиция существует в инновациях, а инновации при всей их новизне укоренены в традиции, как тонко и извилисто, но очевидно связаны индивидуальное и коллективное.

При таком методологическом подходе ясно видно, что истоки философии Габриэля Марселя можно возводить к Сократу, при том что проблема подлинного бытия человека, проблема идентичности «Я» находит свое выражение и позже у самых разных мыслителей, например у Платона, Блаженного Августина и др. Однако марселев-

ская философия никак к этим истокам не сводится. Энтелехийный подход также позволяет увидеть, как проблема хаоса и порядка становится корневой в таких разных областях, как естественно-математические науки и философия. Экзистенциализм Марселя оказался органичной частью французской философии XX в., но одновременно, имея длинную ретроспективу и перспективу, тесно связан с христианством, в том числе русским православием и русской православной философией. А.С. Зиневич указывает на сходство взглядов Г. Марселя и французского врача-психиатра Е. Минковского [22, 23], автор настоящей статьи установил ряд сходных черт между взглядами канадского медиатеоретика М. Маклюэна, современника Г. Марселя, и марселевскими философскими идеями. При отсутствии сведений о личном знакомстве между авторами или знакомстве с соответствующими трудами исследователи обычно ссылаются на «дух эпохи», который оказывается непонятной метафорой до тех пор, пока не введено понятие энтелехии. Место строгих категорий у Марселя занимают базовые сложные образы, что характерно в случае энтелехии. Марсель одновременно и традиционен, и инновационен, он, как и подобает крупному философу, индивидуален, уникален, утверждая уникальность каждой личности, — и связан с другими теснейшими узами, о чем свидетельствует его интерсубъективность, связан с коллективным, при этом противопоставляя единение людей в восхождении к трансцендентному толпе и тоталитарному коллективизму.

ЛИТЕРАТУРА

- [1] Лосев А.Ф. Обратная сторона титанизма. В кн.: *Эстетика Возрождения*. URL: https://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Culture/Losev_EstetVozi/_05.php (дата обращения 16.01.2022).
- [2] Марсель Г. *Опыт конкретной философии*. Москва, Республика, 2004, 224 с.
- [3] Маркс К. *Капитал. В 9 т. Т. I*. Москва, Госполитиздат, 1955, 794 с.
- [4] Бахтин М.М. *Проблемы поэтики Достоевского*. URL: https://imwerden.de/pdf/bachtin_poetika_dostoevsky.pdf (дата обращения 16.01.2022).
- [5] Бычков В.В. Нон-финито. В кн.: *Лексикон неклассики. Художественно-эстетическая культура XX века*. Москва, РОССПЭН, 2003, 606 с.
- [6] Эко У. *Шесть прогулок в литературных лесах*. Москва, Симпозиум, 2002, 288 с.
- [7] Марсель Г. В защиту трагической мудрости. В кн.: *Путь в философию. Антология*. Москва, ПЕР СЭ, Санкт-Петербург, Университетская книга, 2001, с. 243–267.
- [8] Марсель Г. Беседы. В кн.: *Трагическая мудрость философии*. Москва, Изд-во гуманитарной литературы, 1995, с. 146–187.
- [9] Марсель Г. Человек, ставший проблемой. В кн.: *Трагическая мудрость философии*. Москва, Изд-во гуманитарной литературы, 1995, с. 107–145.
- [10] Кнабе Г.С. Строгость науки и безбрежность жизни. *Вопросы философии*, 2001, № 8. URL: <https://sv-scena.ru/Buki/Izbrannyye-trudy-Tyeoriya-i-istoriya-kuljjtury.4.html> (дата обращения 11.01.2022).
- [11] Маклюэн М. *Галактика Гутенберга: Сотворение человека печатной культуры*. URL:

- http://yanko.lib.ru/books/media/mcluhan%3Dgalaktika_gutenbergga.pdf (дата обращения 21.01.2022).
- [12] Маклюэн М. *Понимание медиа: Внешние расширения человека*. Москва, Жуковский, КАНОН-пресс-Ц, Кучково поле, 2003, 464 с.
- [13] Тавризян Г.М. *Габриэль Марсель: Бытие и интерсубъективность*. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/gabriel-marsel-bytie-i-intersubektivnost/viewer> (дата обращения 16.01.2022).
- [14] Кнабе Г.С. *Знак. Истина. Круг (Ю.М. Лотман и проблема постмодерна)*. URL: http://vivovoco.astronet.ru/VV/PAPERS/LOTMAN/_KNABE.HTM (дата обращения 16.01.2022).
- [15] Бодрийяр Ж. *Дух терроризма. Войны в Заливе не было*. URL: <https://iknigi.net/avtor-zhan-bodriyyar/117462-duh-terrorizma-voynu-v-zalivne-bylo-sbornik-zhan-bodriyyar/read/page-1.html> (дата обращения 16.01.2022).
- [16] Марсель Г. *Быть и иметь*. Новочеркасск, Агентство Сагуна, 1994, 160 с.
- [17] Тавризян Г.М. *Марсель*. URL: <https://iphlib.ru/library/collection/newphilenc/document/HASHd07a3a272f09ec3e74c0d0> (дата обращения 17.01.2022).
- [18] Коссак Е. *Экзистенциализм в философии и литературе*. URL: <https://sci.house/ekzistentsializm-scibook/neujeli-neosokratizm-80273.html> (дата обращения 17.01.2022).
- [19] Гагарин А.С. «Номо interior» Августина Аврелия (Блаженного). *Дискурс-Пи. Вып. 6. Дискурс современных мифологий*. Екатеринбург, Изд-во Уральского ун-та, 2006, с. 64–67.
- [20] Антоний Сурожский, митрополит. *Ответы на вопросы*. URL: <https://www.pravmir.ru/mitropolit-antoniy-surozhskiy-otvety-na-voprosyi/> (дата обращения 18.01.2022).
- [21] Антоний Сурожский, митрополит. *Ступени. Беседы митрополита Антония Сурожского*. URL: <https://www.litmir.me/br/?b=26347&p=16> (дата обращения 18.01.2022).
- [22] Зиневич А.С. Бергсонская феноменология Е. Минковского и Г. Марселя и феноменология Э. Гуссерля. *Иудаика в Одессе*. URL: <http://hpsy.ru/public/x7581.htm> (дата обращения 18.01.2022).
- [23] Зиневич А.С. Существование и Бытие в философии Г. Марселя. *Докса*, 2018, № 1, с. 99–102.
- [24] Кнабе Г.С. Русская античность. Кнабе Г.С. *Избранные труды: теория и история культуры*. Москва, РОССПЭН, Санкт-Петербург, Летний сад, 2006, с. 681–869.
- [25] Кнабе Г.С. Энтелехия. *Культурология. XX век. Энциклопедия*. URL: <http://www.cyclopedia.ru/68/221/2135030.html> (дата обращения 07.01.2022).

Статья поступила в редакцию 09.11.2022

Ссылку на эту статью просим оформлять следующим образом:

Гусейнов Ф.И. Габриэль Марсель: контекст. Форма философствования как метод и методология оценки формы. *Гуманитарный вестник*, 2022, вып. 6. <http://dx.doi.org/10.18698/2306-8477-2022-6-813>

Гусейнов Фарид Ибрагимович — канд. филос. наук, доцент Российского экономического университета им. Г.В. Плеханова, МГТУ им. Н.Э. Баумана.
e-mail: metafizika@mail.ru

Gabriel Marcel: context. Form of philosophizing as the method and methodology in evaluating the form

© F.I. Guseynov^{1,2}

¹ Plekhanov Russian University of Economics, Moscow, 117997, Russia

² Bauman Moscow State Technical University, Moscow, 105005, Russia

The paper studies the form as a method and considers its methodological assessment in the works by the French philosopher Gabriel Marcel and in the non-classical philosophy works in general. Relevance of the topic is determined both by radical upheavals in the humanity existence befalling in the XX–XXI centuries, and by the logic of the philosophical thought development itself. The problem of a person and the methodology of its solving are becoming of utmost importance in times of crisis in the society development. Two World Wars were the upheavals in the XX century, and in the XXI — current events, which some already call the Third World War. Three Socratic Turns in philosophy were considered, the process of losing a person in philosophy and obtaining him were analyzed. The author proposes to define Gabriel Marcel's methodological approach in a broad context as the non-finito method and substantiates the intersubjectivity principle as a characteristic of the French thinker's method. No less important to understand the Marcel's methodology is the principle of involvement as a condition in philosophizing. The figure of a philosopher is considered in retrospective and perspective using the Aristotelian category of entelechy as the methodological tool, and both the origins of G. Marcel's philosophy and innovations introduced by him were identified. It is shown that Marcel became a transitional figure from non-classical philosophy to postmodernism, retaining, however, those features that make him especially relevant today, in the post-postmodern conditions.

Keywords: *Gabriel Marcel, Socratic Turn, Modern philosophy, non-classical philosophy, existentialism, non-finito, entelechy*

REFERENCES

- [1] Losev A.F. *Obratnaya storona titanizma. Estetika Vozrozhdeniya* [The reverse side of Titanism. Esthetics of the Renaissance]. Available at: https://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Culture/Losev_EstetVozr/_05.php (accessed January 16, 2022).
- [2] Marcel G. *Essai de philosophie concrète*. Éditions Gallimard, 1967 [Marcel G. Opyt konkretnoy filosofii. Moscow, Respublika Publ., 2004, 224 p.].
- [3] Marx K. *Das Kapital*. In 9 vols. Vol. 1. Verlag von Otto Meisner, 1867 [In Russ.: Marks K. Kapital. In 9 vols. Vol. 1. Moscow, Gospolitizdat Publ., 1955, 794 p.].
- [4] Bakhtin M. *Problemy poetiki Dostoevskogo* [Problems of Dostoevsky's Poetics]. Available at: https://imwerden.de/pdf/bakhtin_poetika_dostoevsky.pdf (accessed January 16, 2022).
- [5] Bychkov V.V. *Non-finito. Leksikon nonklassiki. Hudozhestvenno-esteticheskaya kultura XX veka* [Non-finito. Lexicon of nonclassics. Artistic and esthetic culture of the XX century]. Moscow, ROSSPEN Publ., 2003, 606 p.
- [6] Eco U. *Six Walks in the Fictional Woods*. Harvard University Press, 1994 [In Russ.: Eko U. Shest progulok v literaturnykh lesakh. Moscow, Simpozium Publ., 2002, 288 p.].

-
- [7] Marcel G. *Pour une sagesse tragique*. P., 1968, p. 291–310 [In Russ.: Marcel G. V zaschitu tragicheskoy mudrosti. In: Put v filosofiyu. Antologiya. Moscow, PER SE Publ.; Saint Petersburg, Universitetskaya Kniga Publ., 2001, pp. 243–267].
- [8] Marcel G. *Conversations between Paul Ricoeur and Gabriel Marcel*. Editions Aubier — Montaigne, 1968 [In Russ.: Marcel G. Besedy. In: Tragicheskaya mudrost filosofii. Moscow, Izdatelstvo Gumanitarnoy Literaturny Publ., 1995, pp. 146–187].
- [9] Marcel G. *L'homme problématique*, Editions Montaigne, 1955 [In Russ.: Marcel G. Chelovek, stavshiy problemoy. In: Tragicheskaya mudrost filosofii. Moscow, Izdatelstvo Gumanitarnoy Literaturny Publ., 1995, pp. 107–145].
- [10] Knabe G.S. Strogost nauki i bezbrezhnost zhizni [Rigor of science and vastitude of life]. *Voprosy filosofii (Issues of philosophy)*, 2001, no. 8, pp. 113–124. (accessed January 11, 2022).
- [11] McLuhan M. *The Gutenberg Galaxy: The Making of Typographic Man*. University of Toronto Press, 1962 [In Russ.: Maklyuen M. Galaktika Gutenberga: Sotvorenie cheloveka pechatnoy kultury]. Available at: http://yanko.lib.ru/books/media/mcluhan%3Dgalaktika_gutenberga.pdf (accessed January 21, 2022).
- [12] McLuhan M. *Understanding Media: The Extensions of Man*. McGraw-Hill Publ., 1964 [In Russ.: Maklyuen M. Ponimanie media: Vneshnie rasshireniya cheloveka. Moscow, Zhukovskiy, KANON-press-C, Kuchkovo Pole Publ., 2003, 464 p.].
- [13] Tavrizyan G.M. *Gabriel Marsel: Bytie i intersubektivnost* [Gabriel Marcel: Being and Intersubjectivity]. Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/gabriel-marsel-bytie-i-intersubektivnost/viewer> (accessed January 16, 2022).
- [14] Knabe G.S. *Znak. Istina. Krug (Yu.M. Lotman i problema postmoderna)* [Sign, Truth, Circle (Yu.M. Lotman and the problem of postmodernism)]. Available at: http://vivovoco.astronet.ru/VV/PAPERS/LOTMAN/_KNABE.HTM (accessed January 16, 2022).
- [15] Baudrillard J. *La guerre du Golfe n'a pas eu lieu. Le'spirit du terrorisme* [In Russ.: Bodriyar. Dukh terrorizma. Vojny v Zalive ne bylo]. Available at: <https://iknigi.net/avtor-zhan-bodriyyar/117462-duh-terrorizma-voyny-v-zalivene-bylo-sbornik-zhan-bodriyyar/read/page-1.html> (accessed January 16, 2022).
- [16] Marcel G. *Être et avoir*. Paris, Editions Aubiers-Montaigne, 1935 [In Russ.: Marsel G. Byt i imet. Novocherkassk, Agentstvo Saguna Publ., 1994, 160 p.].
- [17] Tavrizyan G.M. *Marsel* [Marcel]. Available at: <https://iphlib.ru/library/collection/newphilenc/document/HASHd07a3a272f09ec3e74c0d0> (accessed January 17, 2022).
- [18] Kossak J. *Existentialism in Philosophy and Literature*, Svoboda, 1978 [In Russ.: Ekzistencializm v filosofii i literature]. Available at: <https://sci.house/ekzistentsializm-scibook/neujeli-neosokratizm-80273.html> (accessed January 17, 2022).
- [19] Gagarin A.S. «Homo interior» Avgustina Avreliya (Blazhennogo) [“Homo interior” of Augustin Aurelius (the Blessed)]. In: *Diskurs-Pi. Vypusk 6: Diskurs sovremennykh mifologiy* [Discourse-P. Issue 6. Discourse of modern mythologies]. Ekaterinbourg, Izdatelstvo Uralskogo Universiteta Publ., 2006, pp. 64–67.
- [20] Mitropolit Antoniy Surozhskiy. *Otveti na voprosy* [Answers to the questions]. Available at: <https://www.pravmir.ru/mitropolit-antony-surozhskiy-otvetyi-na-voprosyi/> (accessed January 18, 2022).
- [21] Mitropolit Antoniy Surozhskiy. *Stupeni. Besedy Mitropolita Antoniya Surozhskogo* [Stairs. Conversations with Mitropolit Antoniy Surozhskiy].

- Available at: <https://www.litmir.me/br/?b=26347&p=16> (accessed January 18, 2022).
- [22] Zinevich A.S. Bergsonianskaya fenomenologiya E. Minkovskogo i G. Marselya i fenomenologiya E. Gusserlya [Bergsonian phenomenology of E. Minkowski and G. Marcel and phenomenology of E. Husserl]. *Iudaika v Odesse*. Available at: <http://hpsy.ru/public/x7581.htm> (accessed January 18, 2022).
- [23] Zinevich A.S. Sushchestvovanie i Bytie v filosofii G. Marselya [Existence and Being in G. Marcel's philosophy]. *Doksa — Doxa*, 2018, no. 1, pp. 99–102.
- [24] Knabe G.S. Russkaya antichnost. Knabe G.S. In: *Izbrannye trudy: teoriya i istoriya kultury* [Russian antiquity. Selected works: theory and history of culture]. Moscow, ROSSPEN Publ.; Saint Petersburg, Letniy Sad Publ., 2006, pp. 681–869.
- [25] Knabe G.S. Entelekhija. *Kulturologiya. XX vek. Entsiklopediya*. [Entelechy. Culturology. XX century. Encyclopedia]. Available at: <http://www.cyclopedia.ru/68/221/2135030.html> (accessed January 17, 2022).

Guseynov F.I., Cand. Sc. (Philosophy), Associate Professor, Plekhanov Russian University of Economics, Bauman Moscow State Technical University.
e-mail: metafizika@mail.ru